

Две забытые немецкие утопии XVIII века

Юлия Яковлевна Мошковская

Одним из наиболее распространенных приемов современной буржуазной американской английской и западногерманской буржуазной историографии является замалчивание прогрессивной, демократической, революционной традиции в жизни германского народа. Историю германского общества по политической мысли изображают как собрание «благонамеренных» сочинений, которые воспевают феодальный и капиталистический гнёт, прославляют унетателей народа, призывают народ смириться с режимом насилия и рабства.

Ещё Энгельс писал, что немецкий народ, как и другие народы, имеет свою революционную традицию. «Было время, когда у немецких крестьян и плебеев зарождались идеи и планы, которые достаточно часто приводятся в содрогание и ужас их потомков»¹. Энгельс имел в виду крестьянскую войну 1525 года. Однако и в последующее время в Германии были массовые крестьянские восстания и народные движения, существовала передовая общественно-политическая мысль, представлявшая интересы народных масс и выражавшая протест на родных массах против господствующего строя и их стремление к лучшему будущему. Произведения, отражающие чаяния народных масс в частности коммунистические утопии, игнорировались немецкой буржуазной историографией. Более того, даже в марксистской исторической литературе можно встретить взгляд, будто в XVIII в коммунистические утопии процветали лишь во Франции и отчасти в Англии и совсем отсутствовали в Германии.

Этот взгляд глубоко ошибочен. И в Германии в конце XVIII в были произведения, выражавшие гневный протест против существующих социальных порядков и отражавшие мечту народа об избавлении от эксплуатации, голода и бедствия. Среди них особый интерес представляют две социальные утопии, вышедшие в 1792 году. Первая принадлежала перу Фрелиха и вышла в Берлине под заглавием «О человеке и об его условиях жизни»², вторая была написана Цигенхагеном и вышла в Гамбурге под сложным заглавием в духе того времени «Учение о правильном отношении к божьим творениям и о всеобщем человеческом счастье, которого можно достигнуть лишь через общественное введение этого учения». Книга была иллюстрирована гра-

вирами Д. Холловейко и содержала в себе кантату сочинению В. А. Моцартом.

Обе эти книги не привлекли внимания исследователей. О книге Цигенхагена, насколько нам известно, не было никаких упоминаний ни в литературе и периодической прессе того времени, ни в последующих исследованиях по истории Германии и истории немецкой общественной мысли. О книге Фрелиха появилась рецензия вскоре после её выхода в свет в одной из немецких газет.³ Её отметил известный немецкий писатель и революционер Георг Форстер, которому она попала в руки летом 1793 г. в Париже. «Это хорошая немецкая книга которая доставила мне большую радость», — писал Форстер жене. — «Это редкий продукт нашего времени, произведение молодого, но правильно мыслящего и чувствующего человека»⁴. Затем на протяжении более ста лет книга Фрелиха также была забыта.

Жорес, изучая сочинения и переписку Г. Форстера, наткнулся на приведенное выше упоминание о книге Фрелиха и обратил на него внимание Э. Бернштейна. Последний в 1902 г. опубликовал небольшой отрывок из сочинения Фрелиха (15 страниц из 258), снабдив его своим предисловием.⁵ Однако Бернштейн не установил имени автора сочинения и дал совершенно неудовлетворительный комментарий к самому сочинению. Следуя господствовавшему в буржуазной исторической литературе взгляду на немецкую политическую литературу, он изобразил Фрелиха мыслителем, оторванным от немецкой почвы, лишь повторяющим идеи французских утопических социалистов своего времени.

Между тем книги Фрелиха и Цигенхагена, давно ставшие библиографической

Meusel Das gelehrte Teutschland Bd XIII Lemgo 1808, S 421, G o e d e k e Grundriss zur Geschichte der deutschen Dichtung Bd VII Dresden S 410

³ F. N. Ziegenhagen Lehre vom richtigen Verhältniss zu den Schöpfungswerken u die durch öffentliche Einführung der selben allein zu bewerkende allgemeine Menschenbeglückung Mit acht Kupfern von D. Chodowiecki u einer Musik von W. A. Mozart Hamburg 1792, 633 S. Второе издание вышло там же анонимно под заглавием «Physidicaeologia» в 1794 году. Третье издание вышло под фамилией автора без указания места издания в 1799 году. Мы пользуемся фотокопией с 3 го издания. Фотокопии книг Фрелиха и Цигенхагена любезно предоставлены нам академиком В. П. Волгиным.

⁴ «Allgemeine Literaturzeitung» 1793 I April.

⁵ G. Foister, Sammtliche Schriften Bd IX Leipzig 1843 S 55—56.

⁶ Documente des Sozialismus Bd I Berlin 1902 S 114—131.

редкостью имеют важное значение для познания истории немецкой освободительной мысли и заслуживают внимательного изучения.

★

Автор первого из этих сочинений — Фрелих земледелец в Шарфенбурке, около Траунбригена (округ Бельциг Потсдам, Бранденбург). Он мог быть мелким помещиком, но мог быть и крестьянином имевшим наследственное владение. Как раз в провинции Бранденбург чаще всего встречались крестьяне — владельцы именных или наследственных ласиты. В редких благоприятных случаях сыновья таких крестьян получали образование. В предисловии к своему памфлету Фрелих указывает, что, не принадлежа к литературной и учёной среде и будучи свободным от литературных и иных традиций, которые часто сковывают мысль, лишают её непосредственности и свежести, он стоит ближе к жизни и современности, чем немецкие ученые оторванные от практической жизни. Но бесспорно, автор памфлета был образованным человеком, он хорошо знал не только современную ему немецкую литературу но и был знаком с французскими коммунистическими и эгалитарными теориями XVIII века. В одном месте своего сочинения Фрелих упоминает Руссо. Весь комплекс его идей и рационализм, и учение об естественном праве того века, и мысли о воспитании и о роли религии, и взгляды на брак, на роскошь на собственность и многое другое — всё это роднит Фрелиха с французскими социалистами утопистами. Однако Фрелиха нельзя назвать подражателем Руссо. Он был немецким социальным мыслителем, который тяжело переживал бедственное положение близкого ему крестьянства и пытался приложить передовые идеи своего времени к окружающей его мрачной действительности. С этой стороны его памфлет представляет наибольший интерес.

Автор второго сочинения Цигенхаген родился в 1753 г. в Страсбурге в немецкой состоятельной купеческой семье.⁷ В возрасте 24 лет он жил в Седане, где у него была суконная фабрика.⁸ Непосредственная связь Цигенхагена с Францией не подлежит сомнению. Однако наиболее тесно он был связан с Гамбургом. Он долго жил в этом городе, и потому все исследователи называют его «гамбургским купцом». Здесь он и выпустил в 1792 г. свою единственную книгу с изложением учения о человеке и обществе. В дальнейшем он переехал в Штейнталь около Страсбурга где сделал попытку осуществить выработанную им программу социального переустройства и с этой целью основал колонию на принципе общности имущества и «естественной жизни». К сожалению, об этой колонии у нас нет никаких сведений. Конец Цигенхагена был трагичен: потеряв все свое большое состояние он в 1806 г. покончил жизнь самоубийством.

⁷ O. Jahn W. A. Mozart Leipzig 1855 S 115.

⁸ «Die Briefe Leopold Mozarts» Bd I München 1914, S 267.

Духовный облик Цигенхагена вырисовывается для нас яснее чем его биография. Это был образованный просветительный человек, воспитанный на передовых идеях французской литературы, проникнутый протестантским рационализмом немецкой буржуазии и французским механистическим материализмом XVIII века. Цигенхаген также не был профессиональным учёным или литератором. Он был близок к жизни, активен и упорен, и теоретическая истина имела для него значение только при условии её осуществления на практике.

Чтобы лучше понять воззрения Фрелиха и Цигенхагена, необходимо вспомнить обстановку, сложившуюся в те годы в Германии. В немецкой дворянской и буржуазной историографии тщательно заглаживается истинное положение народных масс в Пруссии в годы царствования Фридриха II и в первые годы царствования Фридриха Вильгельма II. В ней проводится мысль, будто Фридрих II вводил аграрные реформы «в интересах крестьянских масс», защищая их от юнкерского гнета. В действительности, однако, именно в царствование Фридриха II дворянство закрепило за собой все свои привилегии, а нужда крестьян достигла предела. Даже в официальном отчете 1789 г. о положении наиболее благополучного слоя сельского населения — бренденбургских доменных крестьян — говорится: «Их повинности не только не покрываются доходом, но из подсчета доходов нельзя понять, как крестьянин может существовать»⁹. Попытки прусского правительства в некоторой степени урегулировать взаимоотношения крестьян и помещиков и в первую очередь нормировать рабочее время крестьян объясняются военно-политическими соображениями: необходимо обеспечить приток солдат в армию и снабжение её хлебом. Но эти попытки ни к чему не привели, так как правительство наткнулось на резкое противодействие дворянства. Король отступил, приказав кабинету «бережно» действовать в отношении дворянства.

70—80 е годы XVIII в были временем нового подъёма крестьянского движения в стране. В голодные годы — 1770—1771 — против помещиков выступали крестьяне во главе Эльбы¹⁰, а в 1780 и 1783 гг. произошли открытые восстания во многих частях Германии, особенно в Силезии. Крестьянские восстания поднялись с новой силой к востоку от Эльбы и в Силезии в 1785 г.¹¹ с приходом на трон Фридриха Вильгельма II который вел штурмовые действия для крестьян. В 1791—1792 гг. крестьянские волнения прокатились по всей Пруссии, а в Силезии они происходили одновременно с восстанием ткачей. Все выступления кре-

⁹ См. Knapp Bauernbefreiung und der Ursprung der Landarbeit in den älteren Theilen Preussens Theil I Leipzig 1887 S 75.

¹⁰ Hintze Zur Agrarpolitik Friedrichs des Grossen Berlin 1898 S 289.

¹¹ Ziekursch Hundert Jahre schlesischer Agrargeschichte Bieslau 1915, S 203.

Веб-публикация: Vive Liberta, 2013

¹ Ф. Энгельс Крестьянская война в Германии М 1952, стр 19.

² C. W. Frölich Über den Menschen und seine Verhältnisse Berlin Fiankesche Buchhandlung 1792 258 S. Второе издание вышло там же в 1800 году. Мы пользуемся фотокопией с первого издания. Книга Фрелиха была опубликована анонимно. Фамилия ее автора раскрыта в справочнике Kayser Vollständiges Bucher Lexikon Leipzig 1848 Bd IV, S 83, см также

стыян жестоко подавлялись военной силой. В памфлете Фрелиха появившемся в это время слышны отголоски этих событий.

Гамбург, где жил Цигенхаген был в ту пору крупным еропейским городом одним из важнейших торговых центров мира. В основном город посреднической торговли Гамбург имеет и свою хорошо развитую промышленность. Королевские верфи Гамбурга уступали только голландским. Ранние капиталистические формы рассеянной и объединенной мануфактуры носившие в XVIII в название «фабрик» имелись в Гамбурге в текстильном, табачном и сапожном производствах, а также в пекарнях, боннях и конфекционном деле. Во всех этих областях производства было занято большое количество сезонных рабочих.

В конце XVIII в. в связи с ростом торговли и переходом промышленности к новым капиталистическим формам производства заметно усилился приток населения ищущего заработка. Большинство этих людей приезжавших в город в поисках хлеба оставалось вне цехов. Многие из них работали на фабриках и в порту и даже в цеховых мастерских. Вне цехов оставались и те жители Гамбурга, которые по рождению или по роду своих занятий не могли войти в цех — это были представители так называемых «чужестыны» профессий. Сюда относились рожденные вне брака музыканты, актеры, служители полиции, метельники, пастухи, ночные сторожа, могильщики и многие другие. Историк гамбургского рабочего класса Лауфенберг на основании исследования различных источников под считал, что в Гамбурге всех наемных рабочих было столько, кто работал на фабриках в рассеянных мануфактурах и в порту, было в 80-е годы XVIII в. от 40 до 45 тысяч¹². Такое количество нецеховых рабочих создавало новое соотношение между цеховыми и нецеховыми рабочими и существенно меняло социальную структуру городских масс. Во всех движениях гильдий мастеров и предпринимателей в Гамбурге во второй половине XVIII в. не цеховой стемени, был ведущим. Это уже не были движения осуществлявшиеся под руководством дуоно «назад к цеховому строю XIV—XV в.», обычным для всех цеховых восстаний XVIII века. Совместные выступления различных элементов городских низов приводили к возникновению новых форм борьбы и организации рабочих масс.

Осенью 1791 г. в Гамбурге начались волнения среди подмастерьев. Поводом к ним послужило издевательское обращение одного мастера к сесарю со своими подчиненными. В конце августа рабочие мастерских приостановили работу и совместно с цеховыми подмастерьями устроили демонстрацию, в которой участвовало 7 тысяч человек. Вскоре в движение включились также рабочие текстильных и сахарных ману-

фактур. Только с помощью солдат и вооруженного бюргерства правительству Гамбурга удалось к исходу недели подавить массовое восстание.

Как отнесся богатым гамбургским купец Цигенхаген к этим событиям на его родные мы не знаем. Возможно, что он как и вся гамбургская буржуазия был напуган ими. Но несомненно, что эти события по мнению Цигенхагена увидели ужасную действительность: черевотную бедность городских масс и нищенские условия их существования. Положение городских низов в конце XVIII в. было столь тяжелым, что гамбургский Городской совет вынужден был в 1788 г. создать специальную организацию «помощи бедным», которая ставила задачей изыскивать работу для них. Тогда же было открыто несколько профессиональных школ для взрослых и детей. Официальное обследование населения во второй половине 80-х годов выявило, что каждый двенадцатый житель Гамбурга живет милостыней или занимает койку в больнице или в доме для бедных. Жилищные условия гамбургского пролетариата были также очень тяжелы. Рабочие жили в жалких, пыльных или больших казармах, которые были напты многодетными семьями.

Цигенхаген пишет в своей книге, что в Гамбурге многие тысячи людей живут в подвалах, таких глубоких, что при наводнении вода проникает в их жилища и бытовые случаи, когда люди погибали в воде¹³. Понятно, что и питание этих людей было неудовлетворительным. В отчете коллегий по делам бедных города Гамбурга в 80-е годы XVIII в. говорится, что «многие очень многие не видели картофеля и имели по 20—30 лотов суларей к этому водку или жидкий кофе из овса и цикория, часто не было топлива, чтобы подогреть пищу»¹⁴. Особенно тяжело было положение детей. В том же отчете сообщалось, что дети от 5 до 12 лет должны были зарабатывать половину своего питания, дети от 12 лет великом содержали себя своей работой. Они приходили на работу в ломотья, покрытые насекомыми, больные, забитые, не способные к труду¹⁵. Понятно, что такие условия порождали всякий эпидемии. Число заболеваний среди бедных достигало невероятных размеров, даже в сравнительно «благополучные» годы, а в годы общественных бедствий оно еще больше увеличивалось. Нет сомнения, что нищета трудящихся масс при вела Цигенхагена к выводу о необходимости создания строя основанного на общности имущества и на рациональном учении о природе и тесном взамен существующего общества основанного на частной собственности и религиозных учениях. Маркс писал, что «первая критика частной собственности и исходит конечно из того факта, в котором полная противоречия сущность частной соб-

ственности проявляется в самой осязательной самой кричащей непосредственно с собой возмущительной для человеческого чувства форме — из факта бедности нищеты»¹⁶. Книга Цигенхагена может служить иллюстрацией этой мысли Маркса. Она прежде всего представляет собой социальный протест против порочного устройства общества, приводившего к неисчислимым бедствиям и нищете большинства населения.

Но не только картина бедственного социального положения и тяжелых бытовых условий в которых находились городские низы Гамбурга привела Цигенхагена к мысли о необходимости преобразований. Сама гамбургская буржуазия, с которой был связан Цигенхаген, также могла оказать на него известное влияние. Экономически более мощная и с более развитым классовым самосознанием, чем буржуазия других немецких государств, гамбургская буржуазия сочувствовала стремлению третьего сословия во Франции взять власть в свои руки. Не случайно в «Journal des patriotes» Бриссо появлялись корреспонденции из Гамбурга, в которых сообщалось о разных проявлениях сочувствия к жирондистам со стороны просвещенных гамбургских бюргеров и передовых литераторов, образовавших в Гамбурге кружок франко-германского сближения.

Таковы те социальные условия, в которых возникли книги Фрелиха и Цигенхагена.

Книга Фрелиха представляет собой уже отмечалось памфлет. Автор изложил свои мысли в виде десяти бесед двух друзей — Филемона и Эраста. Форма диалога избрана Фрелихом не случайно. Она давала возможность наглядно противопоставить трафаретным мнениям рутинеров смеельные мысли автора. Действующие лица памфлета принадлежат к защитному крестьянству. Они владеют землей, обрабатывают ее и передают по наследству своим детям, но в то же время продолжают находиться в зависимости от господ и несут известную повинность. Эраст как это видно с первых его слов — средний человек, избегающий всяких столкновений с окружающей средой. Он боится смелых, далеко идущих идей, боится вступать в конфликт с установленными веками мнениями и церковными предписаниями. От имени автора говорит Филемон. Он дает трусливому обывателю резкую и темпераментную отповедь в духе материалистической философии XVIII в. и подвергает критике основы существующего общества.

Автор второй утопии Цигенхаген не владел литературной формой. Его книга была первым и единственным литературным опытом автора. По всей вероятности, только настоятельное желание помочь страждущему человечеству заставило его взяться за перо. Литературная неопытность автора оказалась и в путаном построении книги, и в частых повторениях и в растянутых отступлениях, и в несоразмерном соотношении частей, много места уделено опи-

санию сельского озяйства, бегло изложены основные принципы, на которых построена Коммуна, а в приложении дана схема всеобщей истории, рассматривающая историю вслед за Вольтером как прогрессивный процесс развития культуры. Эта схема занимает половину всей книги и не связана непосредственно с ее основным содержанием.

★

Главным содержанием обоих произведений является резкое возмущение обличение существующего общественного строя бедствий, на которые он обрекает трудящиеся массы.

Герой памфлета Фрелиха Филемон спрашивает своего собеседника Эраста почему у его соседа такой убитый вид. Эраст объясняет ему, что у соседа пали лошади и что он слишком беден, чтобы приобрести новые, а староста требует выполнения извальной повинности. Сосед — такой же самостоятельный крестьянин как и Эраст, но попал в безвыходное положение и его беде никто не может помочь. На этом примере Филемон раскрывает его истинскую антисоциальную сущность, о существе состоящего из собственников. «Вот в этом все дело, что ему никто не может помочь. Ведь многие в этой деревне имеют больше, чем им нужно, но эти бесчувственные люди ничего не знают о чужом нужде»¹⁷. В своем десятом диалоге Фрелих подвергает ожесточенной критике основную институцию эксплуататорского общества — частную собственность. Фрелих развивает мысль, что частная собственность является источником всех общественных невзгод, что только при условии уничтожения частной собственности можно построить совершенное общество.

Филемон не верит в «реформы» сверху. Он убежден, что всеобщее недовольство в результате неудовлетворения самых насущных потребностей вполне обосновано, так как «государство больше считает с потребностями народа» (стр. 134). «Сердце исходит кровью — говорит он — когда видишь, что большая часть людей ведет нищенскую жизнь, только потому, что эти люди по глупости не знают, что им подается» (стр. 159). Они должны создать себе обещанную достойную жизнь на новых основаниях. Для этого надо понять, что первопричина всех крестьянских бед заключается в существовании института частной собственности.

Собственность — это источник больших зол. «Если бы возможно было, чтобы частная собственность перестала существовать, какое количество преступлений тогда бы исчезло!» — восклицает Фрелих (стр. 200). Правда, собственность по мнению Фрелиха, вывела людей из дикого состояния, но она не едет по пути культуры и она не едет с собой и обман и всевозможные нравственные извращения.

¹ Grotisch. Указ соч. стр. 255. В дальнейшем ссылки на страницы книг даны в тексте.

¹³ F. H. Ziegenhagen. Указ соч. стр. 26.

¹⁴ Laufenberg. Указ соч. стр. 87.

¹⁵ Там же.

¹⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. III, стр. 53.

¹² Laufenberg. Hamburg und sein Proletariat im 18 ten Jahrhundert. Hamburg 1910. S. 105.

Осуждая современный ему строй, основанный на частной собственности Фрелих осуждает также и современную культуру поскольку она служит не народным массам, а рассчитана на знатных и богатых. В памфлете говорится, что много сил тратится на моду на украшения на постройку дворцов для немногих, написание гонимых романов для наполнения пустых голов, в то время как согбенный трудами крестьянин возвращается в свою бедную хижину «Гордые дворцы наших сиятельных вельмож своим внешним блеском должны закрыть свое внутреннее убожество. Разве силы народа не могут проявиться в более благородных творениях?» (стр. 214). В своем возмущении Фрелих доходит до реакционного отрицания промышленности, которую презрительно называет «мнимой» (стр. 219).

В своей критике существующего строя Фрелих не останавливается перед обличением господствующей идеологии того времени — христианской религии. Религиозные представления, пишет он, не могут быть общими для всех людей, различие же их у разных народов приводило и приводит к тому, что каждый народ считает свои догмы истинными, а прочие — греховными. Отсюда фанатизм, травля и преследование людей «Прикрепить людей к невеждому небу — значит играть неблагородную игру со слабостями человека!» (стр. 164). Создавая преувеличенное представление о богатствах будущей жизни, человек не может выиграть в будущем, так как для него потеря настоящего. И, наконец, какое право имеет религиозная историческая истина считать себя авторитетной для каждой эпохи? Исторически опыт учит, что религии не превратили весь человеческий род в одну семью, в которой человек человеку по-братски протянул бы руку.

Критика религии у Фрелиха непосредственно связана с его социальными установлениями, с его сочувствием к угнетенным массам. Он открыто указывает на социальную роль религии как орудия порабощения масс. Религия должна народ в косности и потому выгодна правящему классу «Как может народ прийти к истине, когда его опекуны поддерживают только те мысли, которые удобны для укрепления или узурпирования власти над народом? Кто может уничтожить ужасный договор, который молчаливо связывает почти всех властителей против бессилия народа? Разве не считается с давних пор об разом мудрости умение держать народ в нужде, чтобы под этим гнетом он не создал необходимости добиться лучшей доли?» (стр. 176—177). И автор Филемон с грустью заключает «Так лежат права на рода, глубоко погребенные под дворцами господства, придут, может быть, века, прежде чем лучи солнца их коснутся» (стр. 178). По четкости высказываний в нем антирелигиозных положений памфлет «О человеке» может считаться явлением истинно значительным в немецкой литературе конца XVIII века.

Так же смело выступает Фрелих против другой исторической традиции — института брака в том виде, в каком он сложился на протяжении веков. Он утверждает, что чувства имеют свои права, которые часто надлежат в противоречии с условностями общества. Фрелих подвергает критике и пошлую систему воспитания подрастающего поколения, какую он видит вокруг себя, в феодальной Пруссии XVIII века.

Цигенхаген, как и Фрелих, начинает свою книгу с критики существующего общественного строя и подвергает этот строй еще более резко, негодующему обличению «Беглый взгляд, брошенный на наше общество, достаточен, чтобы увидеть всю нескладность этого строя», — пишет он. «Один чрезмерно богат, другого гнет бедность, один имеет власть, чтобы повелевать, а другие рабски зависимы, подобно скоту. Одни владеют науками и искусствами, а у других закоренелые предрассудки закрывают дорогу истине. Люди ненавидят, обманывают, убивают друг друга. Люди боятся друг друга, как хищников. Люди в городах отвыкли от природы, еда, жилье, одежда не укрепляют их здоровья, а делают их больными. Больницы, чумные лазареты, дома для сумасшедших, семейная жизнь, кабинеты князей тюрьмы, суды, поля сражений — все подтверждает неустойчивость жизни, неразумность ее!»¹⁸ И через много страниц автор снова с горечью повторяет мысль, что болезни, эпидемии, чума, преждевременная смерть, падение скота, убийства война, казни — все эти бедствия, мешающие счастью и правильно развитию физических и душевных сил человека, целиком вытекают из дурного устройства общества.

На примерах из окружающей его жизни в Гамбурге Цигенхаген показывает, как ненормально живет большинство людей. В условиях случайности бедняки не могут соблюдать чистоты, луч солнца не заглядывает к ним, воздух сперт, и пол их жилищ покрыт липкой грязью. Так живут не только люди, стоящие на нижней ступени социальной лестницы, но и те, говорит Цигенхаген, кто посвящает себя наукам, а большая часть ремесленников и художников ведущих сидячий образ жизни, при вывихших к однообразным движениям тела (стр. 27). Человеческие несчастья и бедствия в огромном большинстве случаев имеют причинной или незнание сил природы или нерациональный образ жизни и дурное общественное устройство.

Будучи купцом, Цигенхаген именно чувствует такой род занятий, как торговля. Торговля вредна и бесчестна, говорит он, когда она служит ввозу в страну предметов роскоши и вредной моды, когда она приводит к невероятному обогащению отдельных людей, когда она обращена против слабых и беззащитных, которых она превращает в рабов.

С возмущением и гневом пишет Цигенхаген об упадке сельского хозяйства в стране

¹⁸ Ziegenhagen Указ соч., стр. 8, 10—12. В дальнейшем ссылки на страницы даны в тексте.

В Германии, подчеркивает он много неиспользованной земли, которую население по своей бедности не в состоянии обработать. «Грустный строй который доводит до упадка человеческого род и, словно раб, подмигает все кругом!» (стр. 171). Свои страсти Цигенхаген направляет против феодального государства, против деспотизма князей. К его книге приложена гравюра, изображающая запущенное крестьянское хозяйство. В своих комментариях он поясняет, что это хозяйство лежит в центре Германии, в монархическом государстве, где все зависит от призова властей (стр. 128).

Особый гнев вызывает у Цигенхагена губительная политика князей деспотов с их нескончаемыми захватническими династическими войнами. Современные государства не могут жить без войны, а войны, говорит Цигенхаген, — это «до ужаса доведенное преувеличение человеческих заблуждений» (стр. 331). Ненависть Цигенхагена к войне и страстные призывы к мирному труду, очевидно возникли у него под влиянием тяжелых испытаний, которые выпали на долю его родины в XVII и XVIII веках. Цигенхаген ярко описывает картины сражения «Искаленные и лежащие в крови люди, разорванные животные, горящие жилища, затопленные поля, уничтоженные сады, разрушение и могилы кругом» (стр. 332). Гнев и возмущение автора переходят в настоящий пафос, когда он думает о том, с какой пользой можно было бы употребить эти молодые жизни, как просто было бы солдатам изменить лик земли в интересах миллионов людей «Разве не могли бы они снизить бесплодные горы до плодородных равнин и низкие долины поднять до здоровых лугов, провести реки через песчаные местности, смешать различные почвы, сжечь торф, чтобы усилить плодородие почвы, насадить деревья и растения, выкопать колодези и пруды, осушить болота с помощью канав, проложить дороги, срыть узкие улицы и трущобы и после проведенных работ земля стала бы похожей на большой сад. Где сильные, здоровые, красивые люди жили бы долгую жизнь в согласии и обеспечении и спокойствии» (стр. 334—335).

Смело обрушиваясь на феодально-абсолютистское государство, Цигенхаген наносит удар и по освященной его духовной силе — религии. Основную причину душевного неустойства людей Цигенхаген, как и Фрелих, видит в том, что жизнь людей с самых малых лет направляется различными установленными с древних времен религиозными учениями. Религиозные культы, по мнению Цигенхагена только отдаляют человечество от счастья. Самое существование многих религий ведет лишь к разобщению людей. Совершенно неправильно приписывать ничего не разумеющим младенцам христианской, иудейской или мусульманской религии или к каким-нибудь сектам.

К критике религии Цигенхаген возвращается много раз в своей книге. Вера в Идеса, указывает он приучает человека думать о божественном вмешательстве и

судьбе вместо того, чтобы искать естественные причины явлений и обнаруживать человеческие ошибки. Во всех явлениях природы как, например гроза, град, землетрясение, появление комет и т. п., большинство людей видит божье наказание. Это не только ведет к упорному невежеству, но приучает человека с детства к страху, а страх прокладывает дорогу к жестокости, бесчеловечно и несправедливо. Вредно отражается на человеке и то, что с преподаванием религии связано известное насилие, которое ведет к лицемерию.

Автор не жалует красок, рисуя мрачную картину жизни в современных ему государствах, где господствующие религии учат, что люди по природе не способны ни к чему хорошему, что они дети зла и греха и всегда достойны наказания. Эти проповеди приводят к человеконенавистнической политике в отношении народа, которому не позволяют свободно мыслить и говорить, поддерживают в нем страх и рабство, преследуют его и угнетают. Однако развенчивая официальные религии, Цигенхаген не приходит к атеистическим выводам, как Фрелих. Он, как и многие представители французского и немецкого Просвещения, стоит на точке зрения так называемой естественной религии, допускающей существование божественного творца, создавшего когда-то мир и больше не вмешивающегося в ход естественных и закономерных событий.

Таковы критические, обличительные страницы в книгах Фрелиха и Цигенхагена. Нужно признать, что по силе и беспристрашно критики существующего строя эти страницы далеко превосходят предшествующие им образцы переловой германской литературы XVIII в и стоят наравне с современными им произведениями русской (Радищев) и французской (Мелье) литературы.

Фрелих и Цигенхаген не ограничиваются суровой критикой феодально-абсолютистского строя, критикой господствующей формы идеологии — христианской религии. Они набрасывают в своих произведениях смелую программу радикального преобразования всего существующего строя создания нового общества свободного от злов и бедствий, несущего людям свободную, счастливую жизнь.

Как мы уже видели, Фрелих усматривает источник всех зол в частной собственности. Вполне последовательно он требует поэтому упразднения частной собственности и замены ее «общностью имущества». «Представь себе, что все семьи твоей деревни объединятся чтобы собрать вместе свое имущество, все, чем они владеют. Это имущество они будут рассматривать как собственность общества, с помощью которого толкны быть удовлетворены потребности каждого отдельного человека. В общем деле все должны насыщаться за общим столом, слабый наблюдает бы за сильным, незрелый бы учился у мудрого как был бы этот способ целесообразен для того,

чтобы пустить в оборот полезные идеи. Каждый получил бы от своих старших работу. Особая потребность каждого члена стала бы делом государства, как при этом меняется точка зрения каждого! Существование отдельного человека не вверено его собственным слабым рукам, все общество отвечает за его существование, счастье и несчастье теряют свою силу и не играют легкую игру со слабым, целое является опорой, и человек противостоит «воей судьбе» (стр. 253—254).

Эраст выдвигает различные доводы против идеи Филемона и высказывает свои опасения. Так он спрашивает: «Но где же право на мою собственность, если она не моя?» И Филемон объясняет ему, что в таком обществе собственность есть право пользоваться различными благами за труд. В совершенном обществе, каким Филемон мыслил деревню — общину, не может быть права на труд, так как труд есть обязанность, вытекающая из самой организации этого общества, но в этих условиях можно говорить о праве пользования собственностью. «Твой дом остается тебе, — говорит Филемон, — твой сад тоже, так как общество берет не для того, чтобы тебя сделать беднее, а для того, чтобы ты имел больше, чтобы никто не терпел нужды. Что мешает тебе сажать деревья и радоваться им? Кто мешает твоим детям благословлять отца, который посадил деревья? Кто лил выгопит из дома, пока они там живут и довольны жизнью? Неужели мысль, что это дерево твое, его тень принадлежит только тебе и никому другому, вызывает в тебе жалкое чувство счастья?» (стр. 255).

Филемон объясняет Эрасту, что общность имущества устранила бы народную нужду, обеспечила бы будущее и его собственных детей. «Эта нужда, — говорит он, — прекратилась бы, если бы твоё дерево перестало быть твоим деревом, и ты не испытывал бы жалкого счастья быть счастливым в одиночестве». Вдобавок «дерево и при этих условиях должно тебе остаться». Эраст поднимает вопрос о праве наследования как стимуле для труда и накопления. «Для кого же работает мое трудолюбие, если оно не приносит плодов моим детям? Разве мысль, что лучше получить плоды, не сделает меня недееспособным?» В ответ на это Филемон призывает Эраста выйти из круга привычных понятий. «Почему же близки тебе чужой? Именно это мы и хотим изменить! Неблагодарное государственное устройство воспитывает в человеке эгоизм и хотя общая беда в некоторых пробуждает теплоту, но гораздо сильнее должно быть действие общности счастья.

Общее счастье должно дать огромное блаженство, которое сейчас можно только предчувствовать, но это предчувствие не может быть обманчивым, так как оно основано на законах природы» (стр. 256).

На вопрос Эраста, соответствует ли мечта об общности имущества человеческой природе и не отпадет ли вместе с частной собственностью стимул к промышленности, Филемон отвечает так: первый вопрос вы-

зван неверным в человеке, что вполне извинительно, так как человек в нашем обществе скорее всего виден со стороны его слабостей. Но природа человека сложна и допускает бесконечно разнообразные модификации. Филемон предлагает делать ставку на хорошие стороны в человеке. «От обработки почвы зависит, получишь пшеницу или плевелы» — говорит он. «Частная собственность, конечно, сильно подстегивает трудолюбие, но это не единственное средство, которое поддерживает активную деятельность народа» (стр. 207). И, больше того, «если это даже всюду так было и есть, то это не значит, что иначе не может быть».

Филемон указывает, что идея общности собственности в истории человечества возникла неоднократно. Это «предчувствие нового устройства встречается у людей уже в течение веков. С давних пор люди рисуют себе блаженное состояние, когда в каждом человеке просыпается лучшее, что в нём есть, когда никто не скрывает ничего от другого, каждый делит по-братски своё добро с ближним и дух наявны исчезает. Все это, — прибавляет Филемон, — очень близко к тому, о чём я говорю» (стр. 257). Фрелих выражает твердую уверенность в том, что идея общности имущества принадлежит будущему. Поля это только мечта, которой «суждено проспать еще века», но без осознания роли собственности, без такой революции наших идей и желаний высшая цель не может быть достигнута.

Каковы же средства к достижению намеченной цели? Как и другие представители утопического социализма, Фрелих видит единственное средство в проповеди людям истины. Надо освободиться, пишет он, от традиционного мировоззрения, которое он именуется «исторической истиной» и которое мешает естественной свободе мышления. «Если бы истина не была окутана в античные одежды, мало кому известной истории, если бы какому-нибудь народу удалось пустить в ход сумму чистых истин разума вместо всевозможных исторически сложившихся положений, лежащих в основе современного общества, то такое общество выиграло бы чрезвычайно» (стр. 172—173). Насквозь идеалистическая сущность воззрений Фрелиха выступает в этом рассуждении с предельной ясностью.

Подобно другим утопистам, Фрелих придает решающее значение воспитанию новых, совершенных людей. Критикуя старые методы воспитания, он предлагает взамен свою воспитательную практику, которая основана на мысли Локка, что сознание людей определяется внешней средой и что каждое впечатление, каждое ощущение, каждая мысль оставляет след, определяющий и изменяющий наше «я». Соответственно этому задача воспитателя состоит в том, чтобы развивать в ребенке способность представления и воздвигать на эту способность с помощью таких впечатлений, которые окажут на него благоприятное действие. Рассуждениями о воспитании человека для счастья человеческого рода заканчивается девятый диалог памфлета. В этих рассуждениях Фрелиха проявляется

слабая сторона рационализма, его абстрактность и антиисторизм, как же были присущи и французскому материализму того времени.

Анализируя текст памфлета Фрелиха, можно заключить, что ему была известна немецкая коммунистическая мысль прошлого. Он, несомненно, был знаком с историей Мюнстерской коммуны и с учением об общности имущества Томаса Мюнцера, с движением диггсров (в одном месте своей книги он упоминает об огораживаемых в Англии XVII в.), с французскими коммунистическими утопиями в первую очередь с Мелье, с его критикой религии. Все это, выражая в разных национальных и исторических условиях чаяния крестьянства, разорившегося в условиях первоначального накопления, были ему близки. Все их связывал образ мышления примитивного крестьянского коммунизма.

В своем памфлете Фрелих предстает перед нами как немецкий крестьянин XVIII века во всей своей социальной и национальной обусловленности. В своих политических построениях он исходит из круга крестьянских отношений, видит перед собой только деревню и создает совершенное общество по деревенскому образцу. Эта деревня, изолированная хозяйственная единица, строит жизнь на новом принципе общности имущества. Перед нами попытка объединить защиту интересов крестьянских масс с установлением коммуны, построенной на общности имущества, которая должна гарантировать эти интересы. Расширить свой план до общенемецкого масштаба Фрелих не сумел, что вполне понятно: он был сыном своей страны, феодально раздробленной Германии, лишенной реальной общегерманской политической власти и общегерманского рынка. В этой связи можно понять и отрицательное отношение Фрелиха к промышленности.

Со своей программой социального преобразования общества Фрелих не был одинок. Развивая те же идеи, что и Фрелих, разбуренный план организации колонии на основе общности имущества дает Цигенхаген. В отличие от Фрелиха, который берёт наличную, существующую деревню и предлагает превратить её в деревенскую коммуны, Цигенхаген строит свой план с создания сельскохозяйственной колонии искусственно, в отрыве от реальных условий. Организацию первоначальной в новой системе общественных отношений Цигенхаген начинает с обращения к состоятельным «разумным» родителям, которые захотят создать для своих детей счастливое существование в сельскохозяйственной коммуне. О сельской жизни он говорит как о рожании, который судит о ее преимуществе по Руссо и еще более по учению физиократов. Он считает, что сельское хозяйство должно быть самым почетным занятием, так как оно ведет наиболее прямым путем к истинно счастливой жизни. Сельское хозяйство должно дать детям колонистам богатый запас правильных и полезных знаний и создать наилучшие условия для их умственного, эстетического и физического развития.

Цигенхаген высказывается против роскоши, расточительности и претенциозности строительной практики князей и вельмож. Надо создать, говорит он, гармоничный, порядок, все должно радовать глаз и быть удобным. Подробно описывает Цигенхаген внешний вид колонистов, их одежду, обувь, жилище, еду. Все должно быть рационально, просто естественно и согласовано с природой. Модные платья и драгоценности изгоняются, все носят широкие, свободные одежды светлых тонов, голова, шея, грудь остаются открытыми, тело не должно быть стянуто, перегрето, жжено, украшать себя можно только цветами. Жилища колонистов должны иметь много воздуха, камин ставится только в тех комнатах, где работа требует сидячего образа жизни.

Особое внимание обращает Цигенхаген на пищу. Он полагает, что здоровая пища должна состоять главным образом из сырых овощей и фруктов, доставленных из собственных садов, из хлеба, молока и масла, мясо можно употреблять только от своих животных, к столу должна подаваться вода из своего источника, пиво должно приготавливаться из яблок своего сада, а вино из своего винограда. Совершенно устраняются из употребления все ввозные продукты, не только чай и кофе, но даже сахар и рис. В своем отрицательном отношении к ввозу заграничных продуктов Цигенхаген исходит из идей гуманизма. Он был проникнут сочувствием к угнетенным колониальным народам и считал, что роскошный стол зажиточного населения Европы непосредственно связан с эксплуатацией туземцев. Отчасти Цигенхаген находился под влиянием прусской меркантилистской политики, полагая, что эта торговля ведет к упадку народных средств за границей.

Вопросы физического воспитания занимают большое место в программе Цигенхагена. Как Руссо и Базедов, он считал, что детей надо закалять, укреплять их здоровье физическими упражнениями, давать им навыки в ремеслах и сельском хозяйстве, обучать их в первую очередь естественным наукам, математике и землемерному делу как основам для практической деятельности. Сочетание практики с теорией — основной принцип воспитания в колонии. «Каждое новое знание должно находить себе полезное применение, чтобы создавать не столько многознающих, сколько многоделающих людей» (стр. 208). Библиотека колонистов составляет весьма обдуманно. Книжки, в которых высказывались отсталые взгляды, пережитки или суеверия не включаются в библиотеку. Отбираются только книги по естественной истории, ботанике, личной сельскому хозяйству, географии, истории возникновения и развития искусств и наук и по всемирной истории.

Много внимания уделял Цигенхаген педагогическому процессу в школе колонии. Он предложил начать обучение детей с так называемых «предметных уроков», на которых дети знакомятся с простейшими

объектами из своего окружения. Их причаю к виду пропастей и водопадов, к переходам через реки и горы, к темноте, грозе и т. п. Далее естественная история объясняет детям действие воздуха, воды, огня и земли, а анатомия и химия раскрывают внутренние свойства живых существ и вещей. В результате такого обучения дети перестанут пугаться естественных бедствий и не будут рассматривать их как божье наказание. Соответственно и язык детей будет очищаться от всех слов и понятий, которые им недоступны и внушают ужас или могут быть объяснены как пережитки невежественного прошлого. Дети не будут молиться, то есть требовать от бога сверхъестественного вмешательства, так как и бог не может прервать естественный ход вещей, но, согласно естественной религии, они могут созерцать совершенство в природе и тем удовлетворять своё непосредственное религиозное чувство. Понятно также, что в языке колонистов отсутствуют обращения с титулами, колонисты называют друг друга «друг», «брат» и т. п.

Одним из методов наглядного обучения детей колонистов должны быть поучительные экскурсии в окружающий мир, несовершенство которого должно укрепить их веру в новое учение и новый строй жизни. Прогулки детей служат той же образовательной цели. Встречи с нищими, калеками, похоронными процессиями, преступниками и солдатами являются наглядным материалом, который помогает учителям вскрывать неправильные социальные отношения в современном человеческом обществе, поводом для того, чтобы говорить о «пережитках невежественных обычаев древних времён» (стр. 240).

Цигенхаген подробно описал показательную детскую колонию, которую он предложил основать. Однако на этом он не остановился. В своём воображении он видел широкую и совершенную организацию всего общества. Цигенхаген предполагал, что в ближайше десяти лет блестящий опыт одной колонии вызовет к жизни ряд других колоний, дети-колонисты превратятся в самостоятельных членов колоний и сам собой встанет вопрос об укрупнении колоний и придании им более совершенной социально-политической формы. Впрочем, Цигенхаген допускал возможность организации такой развёрнутой колонии в любых существующих политических условиях. По схеме Цигенхагена, девять колоний образуют вместе особый округ или кантон со значительной площадью. На одной из иллюстраций к его книге изображена такая расширенная колония. Весь округ окружён лесом, изобилующим дичью, и лугами, на которых пасутся скот и лошади. Его прорезывает дорога, на переднем плане виден широкий тракт, за ним судоходный канал; дальше идут сады с солнечными часами, около них расположены дома и мастерские, огороженные чистые скотные дворы с водоемом, на проезжей дороге и слева, на холмах, резвятся дети. Вдали, направо, за пределами колонии, видны убогие деревни, налево в дымке тумана лежит город, перед которым отряд солдат окружает

виселицу в ожидании предстоящей казни. Автор хотел показать, что в округе-колонии царят порядок, изобилие и бодрость, а в старом мире — бедность и страх.

Расширенная колония с большим числом самостоятельных деятельных членов не сможет долго сохранять патриархальную форму детской колонии; она должна, по мысли Цигенхагена, получить конституцию, и притом конституцию самого передового демократического государства, в котором управляющая верхушка избирается всем народом. Для выработки конституции, согласно с учением о правильных отношениях, то есть в соответствии с «человеческой природой», разумом и нравственностью, колонисты избирают девять старейшин, или «советников правильных отношений». Эти старейшины ставят своей задачей объединять всю деятельность населения округа, согласно принципам нового учения, и в дальнейшем совершенствовать её. На основании списка членов округа с обозначением их возраста и способностей старейшины в первую очередь следят за правильной расстановкой сил в колонии. Они назначают с общего одобрения практических руководителей, стоящих во главе сельского хозяйства и торговли, затем бухгалтера, кассира, советника «естественного учения о здоровье», общественных учителей и «посланцев порядка». После этой предварительной организационной работы старейшины переходят к рассмотрению важнейших принципов, лежащих в основе новой конституции.

Конституционная деятельность новых властей начинается с установлений о собственности и свободе как важнейших достоинствах человека. Собственность определяется как «владение всеми благами, которые необходимы для полезной деятельности и настоящего удовольствия», свобода же определяется как «возможность применить все силы и способности для достижения правильных отношений». «Равное распределение собственности и свободу считаем мы основными гарантиями общественного благополучия, нераздельно сопровождающего подлинное просвещение» (стр. 267).

Какова же форма собственности в колонии? До сих пор в колонии только наследственные владельцы имели состояние, только они были собственниками земли и всего движимого имущества, остальные же не владели ничем, хотя и жили в одинаковых условиях с собственниками. Но в совершенной колонии, получившей своё дальнейшее развитие, такого личного владения средствами производства быть не может. Цигенхаген полагает, что это должны осознать и наследственные владельцы, если они являются просвещёнными и сознательными членами колонии. Он предполагает, что сами наследственные владельцы откажутся от своих прав на собственность и превратят личную собственность в общественную. В новой колонии, при новом общественном строе «деньги и всё добро всех превратятся в одно гармоническое целое... все силы общества с одина-

ковым напряжением будут направлены на одну общую цель; все будут связаны общими интересом, общими заработками, общими убытками, и тогда старание каждого отдельного члена этого общества достигнет наибольшего напряжения, а общий результат будет весьма значительным» (стр. 270).

В отличие от Фрёллиха Цигенхаген, как купец, как бюргер большого торгового и промышленного центра, не мог ограничить своё построением деревенской коммуны. Он искал такой формы ассоциации, которая удовлетворяла бы более широким потребностям, включала бы в себя и сельское хозяйство, и промышленность, и обмен, а также научную и художественную деятельность. Влияние меркантилистской теории сказывается и на этих рассуждениях Цигенхагена. Его основная забота заключается в том, чтобы создать из округа самодовлеющую хозяйственную единицу, которая бы как можно меньше нуждалась в товарах извне: «Наша обязанность заключается в том, чтобы разделить между собой все области науки, искусств и ремёсел» (стр. 272). Ремесленное производство подлежит централизованному регулированию, оно должно соотноситься со спросом и потребностями. Так, например, ремёсла, связанные с производством предметов роскоши и моды, ненужных колонистам, не будут существовать в колонии, приготовление пищи и шитьё будут предоставлены женщинам, умственный труд обязательно должен сочетаться с физическим. «Наша учёные не будут целыми днями писать, как это делают теперешние учёные в городах» (стр. 274), — замечает Цигенхаген. Все, независимо от специальности, должны участвовать в сельскохозяйственных работах не только потому, что это основная область труда, но и потому, что этот труд полезен для здоровья. Цигенхаген упоминает также, что в центре округа наряду с другими общественными зданиями должны находиться и фабрики и мануфактуры (стр. 311).

Особое внимание обращает Цигенхаген на организацию учёта и торговли. На собраниях каждый отец семейства должен был указать, каковы его годовые потребности, которые должны быть удовлетворены обществом, каждый художник и ремесленник должен был сообщить, что он может поставить и в какие сроки, то же должен сообщить и каждый земледелец. Все эти заявления заносятся «посланцами порядка» в книгу, и на основании этих записей мастера из каждой области труда производят расчёт, который позволит правильно распределять физическую и умственную работу. Торговля как обмен одних товаров на другие или на введённые вместо них деньги нуждалась в глазах Цигенхагена в каком-то оправдании, так как это была не обычная область труда, а деятельность, которая вела к наживе, к разному виду спекуляциям, к жесточайшей эксплуатации беднейшего населения в Европе и в колониях и ко многим другим явлениям, связанным с ненавистным для

колонистов общественным строем. Но торговля, указывает Цигенхаген, может стать и общепользным занятием, если она ведётся такими предметами, которые приносят истинное счастье, если она снабжает бедные страны плодами плодородных стран и вознзет туда предметы искусств, если она соединяет между собой далёкие страны и способствует распространению наук и искусств и подлинного просвещения, если вся торговая деятельность в округе подчинена интересам всего общества и подлежит его контролю.

В следующих главах Цигенхаген останавливается на просветительной работе в округе. Эта сторона жизни тоже подвергается коренному изменению в укрупнённой колонии. В первую очередь создаются общественные школы и общественные учреждения образовательного характера не только для детей и юношества, но и для взрослых. Для всех этих учреждений строится двухэтажное здание — Дом просвещения — с отдельными комнатами для преподавателей, залами для лекций, физических упражнений, развлечений, которые также должны носить общественный характер. Такова картина совершенной колонии, основанной на равенстве её членов и общности имущества.

Итак, осуществление общности имущества и труда — вот на чём покоится сила нового строя. «Теперь мы все взаимно помогаем друг другу, являемся членами одного общественного союза и различаемся одни от другого только возрастом, опытом, умением и мудростью, но не мнимыми отличиями. В нашем округе нет больше слуги и служанки, господина и повелительницы, помощника и наследственного владельца, бедного и богатого» (стр. 271). Цигенхаген понимал, что реальное равенство может явиться лишь следствием коренного преобразования имущественных отношений и возможно только при условии общности имущества и всеобщей трудовой повинности.

Несовершенства в устройстве общества не могут считаться, по мнению Цигенхагена, роковыми и неизбежными. Человеческое общество может быть переустроено, и Цигенхаген предлагает немедленно приступить к его изменению, согласно предлагаемой им программе. Не понимая исторических корней происхождения современного общества, не считаясь с процессом исторического развития, он мог предложить лишь «логически разумный», утопический план образования и организации нового общества. Всё же Цигенхаген понимает, что одним ударом нельзя коренным образом изменить современное общество, что для этого нужна целеустремлённая, сознательная работа нескольких поколений: «Человеческий род должен собственными силами поднять себя на новую высоту, а это делается постепенно». Но зато «счастливы, трижды счастливы будут будущие времена, когда все жители этой прекрасной земли установят правильные отношения друг к другу и будут жить в согласии» (стр. 7).

Хотя в планах идеальной колонии Цигенхаген даже не поднимает вопрос о политическом строе того государства, в котором находится колония, и постоянно обращается за помощью не только к просвещённым университетам, но и к «просвещённым» феодальным властям, всё же в двух местах своего сочинения он касается политических условий. Так, он упоминает, что его образцовое имение находится в свободном государстве, где люди живут в свободной обстановке и платят умеренные налоги. В главе, посвящённой описанию развёрнутого округа-колонии, он указывает, что удобнее всего организовать его во Франции, где могут быть использованы бывшие монастырские земли.

Оба анализируемые нами произведения, вышедшие в Германии одновременно, несмотря на ряд существенных различий, вызванных главным образом неравным социальным положением их авторов, имеют и существенные черты сходства. Это вполне понятно, так как памфлет Фрёлыха, как и объёмистый трактат Цигенхагена, создавались, несомненно, в результате критики обществ для них немецкой действительности и под влиянием материалистической философии XVIII в. и предшествующих произведений утопического социализма. Мы видели, что вместе с просветителями они нападают на религию, на систему религиозного воспитания, требуют реорганизации всей системы общественного воспитания, отстаивают равноправие женщин; они высказывают материалистическое убеждение в том, что все духовные переживания человека находятся в непосредственной зависимости от самого человеческого организма, от природы, что законы природы неизблемы и независимы от человеческой воли и от бога. Они убеждены, что самое знание этих вещей и природы должно привести людей к разумной, то есть счастливой, жизни. С утопическими социалистами их роднит убеждение в безнравственности эксплуатации, протест против существующего социального строя, мечта об уничтожении этого строя и построении лучшего общества.

Выражая чаяния народных низов, Фрёлых и Цигенхаген, как и другие утопические социалисты, выдвигали такие требования, как отмена частной собственности на средства производства и передача её в собственность общества, всеобщий обязательный труд, общественная плановая организация производства, распределения и обмена, демократическое управление, уничтожение права наследования. С другой стороны, обоим авторам свойственна ограниченность политических требований, политическая пассивность и нигилизм, что

вполне объясняется отсутствием революционной ситуации в Германии второй половины XVIII в., феодально раздробленной и в целом экономически отсталой.

Обе утопии связаны между собой и слабыми сторонами, присущими утопическому социализму и материализму XVIII в.: в них проявляется идеалистический и антиисторический взгляд на общество. Авторы, как и другие утописты, думали, что нужно только убедить правителей и господствующие классы в несправедливости современного общественного порядка, и тогда легко водворить на земле мир и всеобщее благополучие¹⁹. Они полагают, что новое общество можно построить из особо добродетельных людей, воспитанных в теплицах, а не в реальных исторических условиях.

Широкому распространению социалистических утопий мешала социально-политическая ситуация в Германии того времени. Реакционная политика германских феодально-абсолютнистских правительств в годы развёртывания революционных событий во Франции, страх немецкого бюргерства перед народными движениями, отход даже передовых слоёв мелкой буржуазии от просветительской идеологии и революционных лозунгов заглушали слабые ростки социалистической мысли. И всё же обе немецкие утопии представляют интерес для исторической науки. Они расширяют наши представления об истории Германии, наглядно доказывая, что и немецкому народу в XVIII в. были присущи идеи утопического социализма.

Для дальнейшего исследования этих произведений желательна была бы прежде всего их научная публикация. Дальнейшее исследование сможет установить преемственную связь между утопиями Фрёлыха и Цигенхагена и произведениями таких радикальных социальных мыслителей первой половины XIX в., как Людвиг Галль, трирский фюрерист 20—30-х годов, как Георг Бюхнер, который в 30-х годах призывал немецких крестьян объявить «войну дворцам», как Вильгельм Вейтлинг, в 40-х годах набросавший план коммунистического общества, близкий к тому, о чём так мечтал Цигенхаген. В этой связи забытые утопии Фрёлыха и Цигенхагена предстанут перед нами не как случайные явления, а как закономерные звенья на пути развития прогрессивной традиции немецкой общественной мысли, как проявление идеологии до сих пор мало изученных крестьянских и пролетарских социальных движений в Германии XVIII века.

¹⁹ См. марксистскую критику этих утопических заблуждений в статье В. И. Ленина «Фридрих Энгельс» (В. И. Ленин. Соч. Т. 2, стр. 6).

Об авторе статьи:

<http://www.diary.ru/~vive-liberta/p167460856.htm>

<http://istmat.info/node/27839>

О Георге Форстере:

Форстер Г. Политические речи и статьи

Мошковская Ю.Я. Мировоззрение немецкого революционера XVIII в. Георга Форстера

Нойч Э. Форстер в Париже (повесть)